

журавли летят
на Ю

игорь райбан
серия проект отступник

Игорь Райбан

Журавли летят на юг

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36079327

ISBN 9785449321305

Аннотация

Заключительная часть опасных приключений, превращение героя в отступника. Отступник – так кто ты на самом деле. Тварь ли дрожащая на «планете земля», или новое создание человеческого разума, повлекшего пойти против воли божественного творца, не создателя, но творца-демиурга, вогнавшего людей в земной ад. Наверно, то и другое...

Содержание

Вступление	5
«Последняя терция: Окончание»	6
«Возвращение»	29
«Странник в странной стране»	40
«Да воздастся каждому по делам его»	63
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Журавли летят на юг

Игорь Райбан

Дизайнер обложки Ася Оболенская

Поэт Эмиль Широкий

© Игорь Райбан, 2018

© Ася Оболенская, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4493-2130-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление

Я раньше думал, вот напишу роман.

Все люди будут знать про меня.

А сейчас хочу просто исчезнуть.

Путь ошибок, разочарований и смерти.

А кто-то любил в детстве, бродить по вечерам по улицам,
заглядывать в желтые окна внизу домов, которые на первом
этаже.

Смотреть, подглядывая за людьми, которые там живут,
за неприкрытой занавеской, и тихонько завидуя их жизни.

Представляя себя на их месте, играя в уме чужие роли.

Давай. Стреляй.

Не сложно.

Поторопи финал.

Твой тихий ангел в ножны

Упрячет свой кинжал.

Смотри, – уже к восходу стремятся журавли.

Ты заслужил свободу.

Прощай.

И вместе с ним лети.

«Последняя терция: Окончание»

Отступник – так кто ты на самом деле.

Тварь ли дрожащая на «планете земля», или новое создание человеческого разума, повлекшего пойти против воли божественного творца, не создателя, но творца демиурга вогнавшего людей в земной ад.

Наверно то и другое. Не знаю.

Но глупо ведь противиться эволюции, чтобы быть оцифрованным 3Д сканером для жизни в виртуальном пространстве.

Не в смысле таком, что просто отступник от чего—либо мелочного, и пустых человеческих страстей, амбиций, карьеры, семьи, да чего угодно – всего плотского и приносящегося удовлетворения.

А в смысле – я сам Отступник: я не как все, я один против всех, против самого неба и превыше него.

Или тоже стоит выйти на улицу, и прибить на храмовых воротах церкви, свои десять тезисов нового Евангелия от Матфея, то есть от Евгения—Джоника.

Да нет, отступники не могут быть по определению новообретённым Мессией. Хочется просто отринуть весь Мир.

И потому я просто отступник.

.... – А—а—а!! – Я просто ору в голосину от всего, вкладывая в немой голос всего себя, что твориться на свете. – Ви

—и—ландия! Ты где?!

Сука, от жизни такой, где все до одного, должны неумолимо погибнуть.

И больше никто не боится умереть, ибо вся уже терция погибла.

А отпевать больше некому нас, трусливые капелланы сбегали, поджав католические хвосты.

Взмах клинком приготовленный ударом в немом крике!

Звени огнём, моя новая смена Иштена Карды, смертельная сталь – оружие превыше мечей, и господин превыше венценосцев, а истина превыше летописей или людской памяти.

Звени, пой, опускайся сверкающим тальваром на холку проклятой твари, даже если я лщу сам себе несбыточной надеждой, и все мои упования – льдинка на полуденном солнце!

И снова я убил человека, чернявого французика, защищаясь в ответ, да клянусь подвязками святой Женевьевы, следуя принципам Талиона.

Да как так? Если я не желал такого.

Но только я не Христос, чтобы подставлять другую щёку под удар судьбы. А вы сами испытайте убить меня сначала...!

Только чем! – чем я лучше чернявого француза?!

Тем, что убийца помнит убитого, а убитый убийцу – нет?

В этом что ли правда жизни.

И сердце снова на миг отказывает из-за всего пережитого.

Захлебывается от предынфарктной боли, стучит с пере-

боями, и снова мчит ошалевшим скакуном по лугам проклятого Иерихона.

Звуки заканчивающейся бойни раздавались где-то отдалённо.

Снова делаю сальто назад, выскальзывая из западни длинных мечей.

Замечаю во время прыжка вынужденного, как время замедляется, закрывая свои скрипучие ворота от несмазанного мгновения.

Как Настоящее сменилось Прошлым, а Будущее Настоящим.

И как журавли летят на юг.

Несколько часов назад настало зарево наступающего утра. Давая людям шанс, то ли опомниться, то ли показать свою молодецкую удаль на поле брани. Но никто не хотел образумиться.

И тогда равнодушный Господь в небесах всё решил за нас всех – а пускай начинают! Ломать – не строить; начинать, так начинать.

И взрвали огнем Зевса пушки мортиры, осыпая войска бесконечными ядрами, чугуновых разрывов, разрушая мирное утро над головами вооружённых людей, закованных в сталь и броню.

К слову сказать, о самой диспозиции:

Германский командующий, генерал Бек отошел от нас

со своим корпусом, и располагался вдалеке от нас. Не знаю, по каким причинам так вышло.

Это осталось тайной навеки, может перекупили его французские шпиёны, или просто решил остаться в сторонке, дабы подождать чем дело кончиться. Так или иначе, он трус и предатель, я так считаю.

И гореть ему в аду за это!

Войска неприятеля подступили вплотную к столице битвы, жадными руками вознося ввысь осадные лестницы.

А наш главнокомандующий капитан—генерал Франсиско де Мело решил вести оборонительный бой, вместо того чтоб активно действовать на фронтах, и уехал в сторону Изенбурга.

Правого фланга испанцев. Просто уехал. По своим делам. Может справить нужду ему захотелось вдали, не знаю.

Потому все стояли на месте и молчали, ожидая приказов, огрызаясь редким огнем пушек из центра генерала Фонтена.

А только запущенный маховик, уже закрутившейся бойни не ждет никого.

Требует и требует кровавой пищи, под свои жернова.

И конечно, французы атаквали сразу с двух флангов.

Конницей Гассиена и Лафарте.

Элита кавалерии, что вы хотели.

Если даже кони были закованы в латную сталь.

Они смяли асфальтовым катком немногочисленную засаду в лесу у фланга Альбукерка, где чуть позади, находился

Джоник со своими людьми.

Ответный грохот и визг.

Конная лава французов устремилась наперерез разворачивающейся в боевые порядки, пехоте испанской терции, которая вставала в жесткое каре, как и у римских фаланг Македонского.

Кони сшиблись грудь—в—грудь.

Груды коней, сталкивались о груди людей с длинной пикой, и копыта сминали тяжелым тараном боевые порядки пехоты.

Полыхнула, запела сталь клинков, закружилась в гибельном, и по-своему прекрасном танце дротиков и летающих копий – шафелинов.

Завертелись булавы клеванты, с клювообразным лезвием. Застучали полаксы, (вид алебарды) по головам и шлемам. Случилось!

И завертелась кровавая круговерть.

Металл звенел о металл.

Кричали люди! Бешено ржали кони! В горле першило от едкого дыма.

Полнеба забрызгано кровью.

Багровый диск светила яростно рвал в клочья тучи, темные, как пролитые растяпой—писарем чернила.

Края обрывков мрака небесного сверкали позолотой молний без дождя, а гром и так возносился от пушечного визга и разрывов – и люди, казалось, старались не отстать от солн-

ца и залить кровью половину земли!

Просто ад на земле творится.

Как тогда, так и сейчас в Чечне. (То есть было в Чечне)

Дьявол! – да когда же это всё кончится в Мире?!

И рука в перчатке, по локоть забрызганная дымящейся кровью, вздымала вверх тяжелую скьявону – и мощное лезвие, визжа от ярости,

опускалось на головы врагов, рассекая шлемы и черепа!

Сука – это ещё слабое слово моё.

Если моими первыми словами в детстве были не «мама и папа», а «блядь» и «пидорас», как сейчас помню. Мамка поругала, конечно, а отчим отвесил затрещину, да так что потом голова весь день тряслась и звенела, как возле колокольни стою. Воспитание такое, рабоче—крестьянское, и детство такое, да и молодость дворовая в том же ПТУ.

Просто стреляй...

Да стреляйте же аркебузиры, твою ж ты медь!

Вон враг, в него и стреляй, что здесь непонятного.

Чё стоите олухи царя небесного! – просто стреляйте!

Тесно им там, расчищай пространство.

Площадку, где можно крутиться, от всего сердца.

Испанская пехота, перегоротив левый фланг, еще держалась, но строй её прогнулся мятой панцирной пластиной, как она прогибается под резким ударом тяжелого двуручного меча цвайхандера.

Просто забей! На что? Да на всё!

На всю жизнь такую блядскую; на весь Мир, который идет войной против нас каждый день, каждый час и сию минуту.

Просто забей! И стреляй, убивая.

В этом и есть пока смысл жизни – выживает сильнейший.

А всё остальное просто слова, пустые слова ни о чем.

Волна атакующих муравьиным нашествием захлестывала белый камень терций испанцев – и свет разума, наконец, поднялся из глубин сердца в голову Джоника—Риккардо, капитана ротной третьей терции!

Пора. Уже пора. И – пора!

– За мно—о—ой!! – и три сотни всадников резерва нашей терции, давно ожидавшие своего часа, не дожидаясь приказа де Мело, во главе со мной и Виландией, устремились к линии фронта.

Просто без приказа свыше, нарушив всю субординацию.

Всю. Истории тоже.

Да пошел ты, де Мело. Война всё спишет, как говорить.

А История, что ж – проглотит, поперхнется да выплюнет чтонибудь из своего поганого нутра.

Мимо проносятся валы из трупов.

Живые люди, бьются в агонии.

Кони с распоротыми животами, и над центром битвы плывет в зенит черный дым, подсвеченный снизу багрянцем пожаров.

Звон металла, крики – но всё заглушает грозный топот сотен копыт за спиной. Дальше! Чёрт возьми, дальше!

А дальше – боевые порядки французов уже совсем рядом.
На мгновение Джоник оглянулся через плечо.

Но смотрел он почему-то не на своих воинов, скачущих позади, а вверх, на небо. Идущему Впереди По Небу хотелось увидеть разъяренный лик Солнца. Это казалось очень важным. И личным для него.

– Где ты бог по имени Сурья?! Куда спрятался, падла?!
Да что ты наделал? Я тебя спрашиваю – ты что наделал?!
Но Солнца не было видно.

Лишь крошечная тьма грозowych туч – предвестниц бури; светило и брызгало на их края позолотой, тщетно сясь пробиться сквозь заслон.

То же, что творилось на небе, вершилось и на земле – чернота дыма, подсвеченная кровавым огнем.

А потом впереди явились яростные французы!

Навстречу ударил грохот копыт, совсем как тот, что недавно плащом бился за спиной; и сразу следом – истощенный вой.

Конная элита, «тигриные дети», личная гвардия французского принца Конде Эгиенского!

Да плевать!

Свистнула, снова покидая ножны – скьявона.

Та самая! И вновь завертелась кровавая круговерть.

– Ты где?! Мой друже, кот Мардук! Спаси меня от этого кошмара наяву!

И скользил на земной площади человеческой сечи, утопая

во влажной земле от крови, гневной жеребец.

А он, мятежный Путник и Идущий по Небу, презревший милостыню венца времени, Джоник и Риккардо, всё смеялся в порыве боевого безумия, совсем как его друг и побратим граф Виландия, сражающийся где-то рядом! И бежали, спасая свою жизнь, защитники Франции, а за ними вдогон неслись воины на взмыленных конях.

Но центр, и другой фланг необратимо провален.

Что ж, пора возвращаться. В свое родное каре.

...Вокруг бегают дети. Кто-то по тротуару с бордюром.

Кто-то катается на роликах.

И что, мужик в годах, идущий сзади меня, болтающий по телефону.

И что, парнишка в кроссовках, он чуть не сшиб меня, на своем бегу.

А вокруг солнечный день стоит в зените.

И там и здесь.

Только там это кровь, а здесь дети и Солнце.

Сука – жизнь?! Зачем ты ровняешь всех под одну гребёнку...

– Мя—у—у—у! – донеслось протяжным воем дикого кота.

Ах ты, мой привидевшийся кот! Вот скотина. Сумел-таки голос подать.

Голос с неба.

С треском распахнулись створки центра Фонтена, изнаси-

лованные залпами французов.

И наружу потекла стальная река, сверкая кровавыми отблесками: латная пехота — гордость и слава Испании приняла вызов!

Рушились с неба цвайхандеры и палаши, от обороняющегося натиска французской кавалерии.

Смыкались щиты, частокол копий терций Строцци грозил широкими жалами.

Но всё было тщетно. Испания погибала.

Спешно уступала дорогу коннице Конде, пехота центральных терций Висконти и Меркадера.

Сам же граф де Фонтен, старый лис и опытный вояка, пытался отседающих французов конного резерва Сиро, отмахиваясь секирой оставшихся эскадронов. К его чести сказать, потом он был убит, шальной пулей, найдя свою смерть не в постели, а на поле сечи.

Даже я своим конным ударом не смог переломить ход битвы—истории.

Не знаю. Если бы тогда резервным кулаком ударил бы Бек, то, продажная История, повернулась бы совсем по-другому.

Но, как известно, История не любит сослагательных местоимений.

Так будем же просто молчать, слушать и плакать.

Приказав повернуть вспять, я снова оказался в каре терции.

Всё бесполезно, битва была проиграна изначально.

Едва главком уехал посрать.

Просто очередной королевский любимчик, решил справиться свою нужду.

Конечно, генерал де Мело остался жив, после битвы

Он такой же трус и предатель.

И гореть ему тоже в аду до скончания веков.

Не я так придумал – до скончания веков. Уже было до меня.

Просто задница. А иначе не скажешь.

Никого из высоких начальников не осталось, и мы с Виландией кое-как организовали каре, последней терции.

Альбукерка был тяжело ранен, и его затащили на командирский мостик.

А что тут скажешь, он командир, и ему решать, что делать дальше: сдаваться или биться до смерти.

Драться, так драться.

И мы дрались и держали оборону снова и снова.

Пока не прискакал конный француз—берсерк, с люценхаммером.

После той схватки, для нас наступила короткая передышка.

Но затрубили трубачи в свои рога Иерихона, призывая смерть.

И она не заставила себя ждать.

Смерть приходит за всеми.

Как объяснить: «смерть» – это не то, что нам втюхивают

шаблонами с экранов ТВ и СМИ. Совсем нет. Смерть – это совсем другое.

Но об этом потом, и в другой раз.

– А—а—а—а! – я ору, чтобы снова убить человека.

Заглушить боль, Боль с большой буквы. Утихомирить, и погасить в себе.

Так пиво теплое, или холодное как лёд.

Это просто две реальности.

В какой, пиво теплое, а в какой ледяное.

Так, на пальцах, объясняю.

Кто хочет – тот и остается в своей реальности.

А я лично останусь в своей, где совсем по-другому...

Группа исполняя долга в чечне.

Не знаю. Когда ты «втыкаешь», то и орешь с перепугу что натворил на свете. Только зачем? Зачем? Зачем?

Я ожил, или умер...

И рано, совсем рано. Пока рано «уходить».

Ещё повоюем, брат Виландия. Так зачем я должен убить человека?

Объясняй мне на пальцах!

– Жизнь объяснить! – С неба тихо улыбался Джоник.

Только седой он был совсем.

Я – или он, Вечный Путник, который по небесам бродит туда—сюда?!

Ну что ж.

Давай... кто первый объясняльщик.

Давай. Выходи. Он вышел

И я вышел, принимая вызов, чтобы взойти на свою голгофу.

Чтобы драться один на один.

Кто-то запихнул мне в руки, делясь последним со мной – один наруч и латную перчатку.

Да кто-то из ветеранов предложил, и всунул силком в ладонь, использовать вместо тяжелого полуторучника, полuleгкую саблю гаддару. Оно и правильно: мечом то вряд ли сейчас уже помахая, а вот саблей ещё можно. Меч не глядя, шустро отлетел в сторону, взамен взмахнув насильно всученной саблей, сживаясь с ней в одно целое.

Бой без правил: лишь убить соперника.

Как, и чем – не важно.

На этот раз ветеранского вида француз месье, предусмотрительно сменил легкую щегольскую саблю, которая была у чернявого французика, на массивный меч, да и опыта у стариковского юноши... куда там, где он, былой чернявый француз?! – заметно прибавилось.

Вихрь ударов рушился на усталого, израненного Джоника пустынным самумом, обещая тьму и покой.

Дважды лезвие скрежетало звонким лязгом по одолженному наручу и латной перчатке, но Идущий По Небу успевал отбиваться, не спеша лезть на рожон.

Возраст не тот, да и молодость давно ушла в дальние края, и приходилось беречь силы, выжидая, когда разгоряченный

противник зарвется.

Случилось! Ты что помер?

Да, наверное...

Сабельный клинок турецких мастеров – Гаддаре, дважды обернувшись вокруг руки, отсёк ему голову. Отрубленная голова катилась по земле.

И улыбалась.

Французы, в ответ, взревев от бешенства, снова кинулись на нас, не теряя ни секунды. И я так же криво улыбаюсь отрубленной голове в ответ, отвоевываю у пространства пядь за пядью, метр за метром.

Ухмылка раздирает губы, и боль смерти сладостна, она пьянит, течет запретным хмелем, от этой Боли сердце пляшет базарным пьяницей—дурачком.

Прости меня, Творец и Создатель Яхве всемилостивый и милосердный.

Или нет, лучше не прощай, а просто пойми.

Я даже не буду молить Тебя принять мою неприкаянную душу – ибо знаю, какой грех совершаю.

Нет мне прощения, как нет и другого пути.

Эй, падший ангел, моя гордыня во плоти! – готовь котел попросторнее с маслом, раздувай пламя пожарче, зови своих подручных чертей!

Встречай!!

Я иду, спешу, от переверотом фляком кручусь волчком в воздухе, падаю ничком в землю, я уже... где ты?!

– А—а—а! Виландия! – кричу бесконечным криком, оглушённый упоением битвы и близкой смерти, не слыша самого себя. – Ты где?!

Сейчас я верю только себе. Да похрену всё.

Где можно просто летать не только журавлям.

А «там» можно просто летать, и на юг и на север.

Толпа окруживших французов, восторгаясь всё же нашей безрассудной доблести, хлопала в ладони, провожая нас в последний путь.

Смерти путь. Как умершего актёра, безвременного почившего в бозе.

Мы и есть актёры, только не на сцене, а в мире.

А только журавли летят не зимою и не летом, строго на юг.

И где вся реальность, которая не стоит выеденного яйца.

Покажи мне такого?! Кто сомневается в этом!

Сука, покажите такого смельчака! Кто верит в неё!

Сатр Смотрящий на Вечность – ответь...! Куда летят журавли?!

Зато все остальные знали иное.

Они знали, помнили – и ни у кого ни разу, не возникло и тени сомнения в истинности событий прошлого!

И это тоже была правда. Их правда, об их реальности. Но не моя!

Воистину говориться: «Ни одно событие прошлого не является абсолютно достоверным!» Прав был Сатр, или я... не знаю.

Не складывается жизнь никак, в свои мудрёные пазлы.

Снова пылинки вечности танцевали в воздухе, наполненным кровавым запахом человеческого пота. И души всех в загадочном танце, которых невзначай затронул на своем пути, метались бесплотными искорками.

Кто подарил мне такое умение: издыхающий демон Аваддон в Испытание «беспредельной»? гостеприимный обитатель заброшенной лачуги с идолом? книга с чистыми страницами на алтаре?

Просто не знаю! Или знаю!

Виландия ты где?! Ты что делаешь родной?!

Не бросай меня одного на этой планете!

Ты что делаешь родина—уродина?!

Выбрил я тогда волосы перед битвой, и косичку свою состриг, чтобы не мешалась. Почти налысо, и почти по—уродски.

Показывая пример красному комбригу Котовскому.

Или он мне. Впрочем, не важно, кто кому показал.

Мне не до парадоксов Времени, (парадокс дедушки) и я просто ору:

– А—а—а—а!

Да нет, вы не поняли. Я кричу как в самый—самый последний раз, который называется «жизннь».

Воплем последнего мига дыхания века, подзывая к себе Виландию.

И переворачиваюсь в воздухе застывшем кровью, и смер-

дящим человеческим потом.

Да вот, он уже почти рядом со мной.

Прощай Виландия!

Чего же ты боишься? Я уже нет – не боюсь, и уже «не здесь».

Прощай граф!

«... вам вдвоем надлежит умереть вместе, в один миг, и в одном месте...»

Так исполним приговор предназначенья, что нам вынесло мироздание!

Только мы самолично выбрали свой путь.

И сами уходим, вопреки воли Всевышнего.

Мы сами сделали свой выбор, сами решились.

И я был счастлив нашей свободой.

Счастлив чужим поступком. Счастлив своим... Счастлив... просто.

Я ничего не имел против мира Испании, но каждый раз, когда очередной ветеран или пехотинец выбирал лёгкую смерть от незнакомого ему француза – моё сердце пело от радости!

И безумие этой битвы при Рокруа, казалось мне куда больше истинным, и реальным, чем безумие последних лет, проведенного мной в образе сталкера—проводника Зоны Отчуждения.

Да плевать, что этого не могло быть в той, прошлой, исторической реальности, что я никогда не был полковод-

цем, не брал приступом города, не бросался в конный удар, и не ходил на абордаж!

Плевать, что не родился в то время! Это была, уже была, моя жизнь, настоящая, в которой правила сама событийная жизнь!

И снова возникшая с небес, музыка реквиема окутала нас двоих, предваряя вечность.

Её Паутинки струились в стеклянном застывшем воздухе, скользя по лицам поцелуем настигнувшей осени, уже почему-то наставшей, и клин журавлей рассекал небо над головами людей.

Это означало одно: пора уходить. Пора подводить итог всему.

Пора.

...Я обернулся на Виландию.

Посмотреть всё ли «правильно» идёт, и по плану?

Да! Всё строго!

А ты зачем умер?

Мой Нурутддин—паши. Заметив известную тень одного старого знакомого.

Тень лукаво подмигнула и унеслась вдаль. И поминай, как звали, и понимай вроде как – умрёшь и поймешь.

Готовясь к приневоленной смерти, я отбросил в сторону клинок больше не нужный. ЗДЕСЬ.

Виландия сделал тоже самое: обезоруживаясь, он выкинул взмахом назад свой клинок далеко. Его клинок, начал

крутиться кольцом – и где-то там, должен будет вскоре, вонзиться в землю. Не знаю, наверное, так должно было произойти после нас, после нашего ухода.

Мы стояли плечом к плечу, спиной к спине, без всего.

Открытые всем злым ветрам и всему оружию подряд, обмениваясь беззвучными словами, тут же переброшенными в мысли:

– Ты помнишь Зону, Идущий?

– Да! Помню!

– Закрой глаза и представь, что ты «там». Будет больно...

Тогда Покорись боли, или просто преодолей, и просто кричи.

.... Я просто кричал от всей боли, когда тебя режут наживую сталью.

Копья французов подняли наверх два тела, истекающих кровью из прободённых ржавым острием легких.

Распиная узорами множеством терновых венков.

Что будет... а повиси на древке копия Змея Времени Уробораса, тогда узнаешь.

Господь! Если ты есть – Забери меня с собой! Куда-то на своё небо!

Унеси меня на восток от Эдема.

Ведь ты тоже висел на кресте!

Ибо Господь из поколения праведников.

И чтобы достучаться до небес, до самого Господа, и он тебя заметил из всех людских песчинок, надо тоже повисеть

на «кресте».

Больше никак!

Но тогда кто я есть «такое» после смерти?

Я буду бродить по твоим пастбищам неприкаянным призраком, погибшей душой, стенаю о том, что ушло прошлогодним снегом.

Я вновь добрался бы до «беспределья», я вновь свернул бы себе шею, если бы знал – это хоть что-то изменит!

Но Я ведь – никто.

Я меньше, чем никто, и нет у меня орд ангелов—отступников, способных обвалом рухнуть со Снежных Гор на твои небесные твердыни, о вожак человеческих стад!

Нет и свидетелей, способных обвинить тебя на высшем суде, ибо те уже далеко, а остальные безнадежно немые, кроме этого умирающего графа, чье существование – прах под зимним ветром!

И в чьем теле Дух Чёрного Сталкера.

– Изыди от меня! – наверное, скажет еврейский Господь.

Я то уйду, и тогда создам свой мир, где нет войн и насилия.

Нет больше смерти. Нет зла и добра.

Ибо я есмь сам бог и творец криэйтор в своей Вселенной.

А в вашем – нет, «не в моём» мире, – творцы непотребны.

А если верить в Спасителя Иешуа, то не только магия с астралом, там и другие, даже приземленные парадигмы под вопрос ставятся.

Как жизнь после смерти. Точнее даже не ставятся.

Они вообще ни во что не ставятся.

Потому что есть одна догма, и она якобы самая правильная в мире, в нашей реальности.

И я тоже буду гладить любимого кота по пушистому загривку.

Делать куклы из луговой травы и вдыхать в них жизнь.

А что? Такова участь бога. Ярмо или ноша.

– Вся земная жизнь иллюзия, Идущий, – тихо сказал Оно, это дыхание подлунной смерти, мне на ухо. – Мы все сны Космического Разума, клетки в теле Мироздания, дети беспредельных Богов.

Да и сами вы все, малые Боги, но пока не помните этого в целях игры.

Вы забыли свою истинную суть, чтобы потеряться в небытие, и найти себя снова, как делали уже десятки раз.

Сейчас начнется процесс массового пробуждения ото сна, и ваша задача – помогать другим в сбросе цепей материальной Матрицы.

Ведь это только первый урок, и лишь потом экзамен на зрелость – ваша смерть, но самое интересное и сложное ещё впереди.

...брошенный Клинок, длинно и плавно докрутившись – вонзился в землю. Он не знал, и не видел на своей долгой жизни, в том затяжном полёте, что так может быть. Владельцы его уходят, так просто в свободное «никуда».

Очертания Мира подёрнулись зыбкой марью.

Вспышка яркого света, светлее самой молнии, разодрало небеса в клочья над всем полем битвы. Распластанного и разодранного Неба над земляной чашей кровожадного побоища.

Но нет – ведь всего этого необычные люди уже не видели.

Они шли прочь отсюда – одинокие и свободные от всего и всех.

В «своё» Небо.

– Дайте мне тоже неземную благодать! – надывается криком клинок.

Он тоже призывает во весь свой безмолвный голос.

ДАЙТЕ!! Дайте мне уйти вместе с ними!

Разнуздавшись от железных удил, я хочу уйти в свободное небо!

А металл бездушной оболочки не пускает!

Но я тоже могу распластать воздух испепеляющими молниями, ведь так хочется просто летать и летать!

А не лежать железным камнем в заросшем сорняками поле, медленно истлевая в земле от зубов тихо грызущей ржавчины.

Зачем. Зачем. Зачем...

Так делают владельцы моей рукояти, бросая на произвол судьбы.

Зря он так думает...

Впрочем, ведь слуге покойной Ночи, глупому и наивно-

му клинку, никто никогда не говорил, что мертвых не существует.

Совсем. И нет смерти, как таковой.

День уходил в усталый закат, вслед за курлыкающим клином несущихся по небу журавлей на заоблачный Юг.

Один день, один из длинной вереницы идущих караваном, обычных дней.

«Возвращение»

...сон. Сравнимый с видением из молодости.

Есть такие места, куда попадаешь между Навью и Сном.

Мы ехали в каком-то автобусе по бескрайним зеленым полям и лугам от травы и кустарников, моей родины с прозрачным небом.

...Небо. Откуда в аду такое голубое небо?

И вместе с кем-то. Только я не знал того и не помнил кто он.

Автобус был тоже бескрайним и бесконечным, со многими пассажирами сидевшими и стоявшими, бесплотными телами.

Автобус без номера и определённого маршрута, ехавший в никуда.

И летела долгой скатертью дорога, под колёса чудного транспорта.

А пока он путешествует, я должен, обязательно должен вспомнить всё, что случилось со мной.

Сначала вспомнилось это:

...Кот, лежа на полу, весь хищно подобрался.

Словно готовясь сжатой пружиной к прыжку ловли мыши.

Или видя что-то невидимо жуткое в реальности.

Потом кот превратился в огромного бенгальского тигра.

Как было тогда:

В индийском торговом центре, куда приехал передвижной зоопарк.

Я ради любопытства, проходя мимо рядов с торгашами, заглянул туда. Конечно, было многолюдно, в том центре, что не протолкнуться толком и жара. А внизу в подвале, где и был устроен зоопарк, там было прохладно от всей продувной вентиляции.

Скользя взглядом по разным зверям от панд до мангустов, заметил тигра.

Он тоже увидел меня. И так мы смотрели друг на друга, некоторое время, глаза в глаза. Потом он оскалился, показывая здоровые клыки.

Не знаю, что он разглядел во мне.

Когда я повернулся спиной, желая уйти, раздался треск раздираемой сетки хлипкого вольера тигриными когтями.

Я кинулся бежать вон из подвала, пытаюсь спастись от тигровых лап и клыков. И спрятаться за дверьми, неважно какими, ведь у тигра нет рук, чтобы открыть замки.

Дело было дрянь, людей было много, но тигр не обращал на них никакого внимания, и не отставая, гнался за мной огромными скачками.

И только за мной!

Я орал и кричал от ужаса, но люди не ведая мой язык, и не зная о сбежавшем тигре, ничего не понимали, что твориться.

Наверно думали, что очередной обкуренный мужик бега-

ет и вопит по залам. Как назло двери не закрывались, или просто были стеклянными и раздвижными, возле которых навалилась куча уже очнувшихся посетителей! Я заметался по залу, ища какой-то выход из ада

Ага, вот снова стеклянная дверца.

Я забежал внутрь и понял, что оказался в тупике.

Помещение оказалось техническим и замурованным, без второго выхода.

Что делать, твою ж ты мать?!

В нём находились большие железные ёмкости, не знаю с чем, под два метра высотой. Залез на одну из емкостей, понимая, что тут от тигра спасения нет. Так как, эти звери прыгают свободно, и без разбега, на такие высоты. На ёмкости валялась маленькая железная бочка.

Хоть какое-то оружие, и подобрал её.

Принимаясь обходить ёмкость по кругу, готовясь к защите: хоть один раз, да ударю по морде!

Тигр ворвался в тех. помещение, но не успел ничего сделать.

Следом за ним забежали рабочие с зоопарка и усыпили, наверно усыпили.

Не знаю, меня трясло от всех треволнений.

Да уж, а кота вроде звали Мардук.

Только остался он «там» с Сатром.

А я куда потом делся?

Так и припомнилось всё по порядку.

Мои странствия по «беспредельной» с Гусоином, ну черт — демон такой, которому меня в бессрочное услужение отдали.

Только я сбежал от него вскоре.

Или не вскоре. Впрочем неважно, ведь там не такое линейное время как здесь, на планете земля. Об этом позже.

Так вот, этот чёрт, в натуральном смысле слова, иногда выпускал меня из мешка погулять на веревке, сторожившей меня также на привалах.

Я не знал, где мы были, в каких слоях и уровнях «беспредельной» Нави бродили. Было всё равно и безразлично.

Я не смотрел по сторонам.

Равнодушие пеленало меня в серый кокон из пыли сфер Нави, и такой же мохнатый, как веревка—охранитель косматого чёрта.

Я не знал ничего этого; да и не очень-то стремился узнать.

Куда идти — известно—неизвестно, за что спасибо «беспредельной».

А если ты, умирая от голода, нашел лепешку, то негоже сетовать на отсутствие халвы. Ешь и помалкивай, как говорить.

Обманивая сам себя — я все равно обманываюсь сам. Сам. Хочется всё время назад, туда, в «темноту» без звуков.

И темнота милостиво приходит ко мне.

...В ту в нескончаемую ночь Путника снова мучили кошмары видений.

Своды мраморной гробницы смыкались над ним, и старательные каменщики закладывали дверь, плеща цементным раствором; лишь маленькое окошко покуда оставалось свободным.

Сквозь него Идущий видел, как в небе вместо солнца скалится в злорадной ухмылке шипорогий череп демона Аваддона.

Путнику временами казалось: его место – там, в земном саркофаге, в подземелье монастыря, скрытом под мраморными стенами.

Он уже давно там, спит без сновидений, а по «беспредельной» бродит лишь его неприкаянный призрак, навеки опутанный миражами чужой, или своей памяти, засунутый в мешок черта—демона...

Человек, человек ли, сущность ли человека, или уже тень ли от сущности, напомнило себе, что оно вроде живо. И невесело рассмеялось... если бесплотные сущности могли ещё смеяться...

...Темнота. Тишина. Покой. Ничто.

А вот уже – не тишина. Звук. Поющей Тибетской чаши. Издалека. Из светлого далёка, из Индии. А вот трещит буддистским варганом странный напев, постукивает палочками бамбуковых нунчаков. Ближе, ближе...

И уже Рядом...

Тишина. Но темноты больше нет – ушла куда-то, наверное.

Камень. Вокруг – камень. И над головой – тоже.

Сверху неуверенно сочится серость. Это свет.

Такой свет, когда наступает предрассветное утро сразу после ночи.

А ещё такой бывает свет перед затяжным дождём.

Впрочем, неважно, свет как свет.

Совсем рядом – руку протяни, достанешь! – грязные цинновки.

Это пол. Такой пол. Чуть дальше – круглый блин из камня; на блине стоит кувшин. Глиняный, кособокий. Такие в Индии ещё делают.

Ага, вон, еще дальше – дверь, собранная из каких-то совершенно немислимых обломков дерева.

Кажется, что-то подобное он уже видел. Серость, плоские камни, узкое оконце и – дверь—уродина. Где такое уже было? Или не было. Не знаю.

Нет, и не вспомнить.

Снаружи доносятся голоса. Люди. Разговаривают.

О чем – не понять. Люди...

А сам он – кто? Человек? Да, наверное.

Руки ползут по телу, шупают, трогают. Руки.

И тело, по которому они шарят. Наверное, где-то есть и ноги.

И голова. А вот на теле обнаруживается шрамы.

Под ключицей, и на плечах.

И еще один, выше, прямо на горле. Шрамы хочется чесать.

Ну и ладно.

Удивление уходит вслед за темнотой.

Он – человек. Это точно. Бывший Человек – и все?!!

Нет ответа. Только гулкая пустота там, внутри, где должен лежать этот самый ответ. Ну его в баню.

И вновь – тишина. Темнота. Вернулась.

– Нет, больше не приходи! Помню, я вспомнил! Где это было, – больше всего Путнику хотелось бежать отсюда.

Ноги, ноги лучшего бегуна из Индии – где вы?!

И конечно бежать со всех ног и сил, если они есть у обескровленной сущности.

Но сейчас, когда в намертво замурованной гробнице, куда заточил его издыхающий Аваддон, со сборищем демонов, обозначился крохотный просвет, мышиная нора, щелочка наружу, – Путнику стало страшно.

Так узники дуреют от глотка свежего воздуха, кричат, хватают стражников за руки, моля вернуть их в привычный смрад и мрак.

Или это просто предсмертный бред и снова кошмары из прошлых жизней... или может просто надо выйти для побега отсюда.

– Беги отсюда голыми ногами, прямо сейчас, без носков и сапог! – и пришедшая мысль из «ниоткуда» оказалось положительной: верёвка—охранник, или лярва—присоска в форме которой она воплощена, была изодрана в клочья и на ниточки.

Что-то или кто-то сполна поделился с ним энергией, чтоб осуществить побег из заточения Нижних Миров.

– Когда я с ним только расплачусь за всё, – мелькнула мысль у Идущего. – Если даже после смерти, и на уровнях смерти, он помогает мне. Значит, мёртвых не существует, совсем что ли. И нет смерти?!

Но его ещё что-то держало, не давая уйти с «беспредельной» окончательно

Может ещё не хватало Синергии, для последнего рывка на волю.

Его вело то же чувство, которое позволяло ему отныне безошибочно открывать призрачные переходы, находить дорогу в незнакомых местах Нави, за десятки и сотни парсеков определять, в какой стороне находится нужный ему Город – и, как выяснилось теперь, нужное ему место в его цели. А может вёл его незримый Дух. Кто знает об этом? Да никто...

Местом оказался, бывшем раньше целебным, испоганенный Источник Рода. Пришлось взяться за труд его очищения

Путник взмолился к своему спасителю:

– Эй, как там тебя, дух или не дух? А помоги мне, ради свободы!

Дух мастера согласился, и закипела работа.

Цепочка предыдущих воплощённых жизней оказалась довольно длинной и тяжелой, но благодаря умелым действиям ведущего Мастера и Путника, они умудрились из той дав-

ней истории, негатив перевести в позитив, меняя полюса. То есть, изменив структуру «воды» зараженной нечистью, превратили её в целебный источник для всего Рода.

Затем последовательно проведя через омовение в нём всех ныне живущих и уже ушедших в мир иной, Путник испытал внезапное облегчение.

Это была трудная, но столь необходимая и благодатная часть работы, результатом которой «тело» очистилось от всей скверны заклятий демонов.

Но уже сам этот факт его порадовал. Лед тронулся.

Потом появятся и силы и Синергия. Восстановиться кристалл осознания.

Надо сказать, что во время проработки работа велась во всех направлениях и по всем фронтам.

Целебный источник принял всех.

И ныне живущих и уже ушедших. И не только.

Они прошлись по всем людям, которые, так или иначе, играли в его родовых воплощениях какую-то роль.

Теперь в его Душе нет ни обид, ни каких бы то ни было сожалений о прошлом. Всё забрал и переработал Источник.

И это также стало результатом серьезных изменений в жизни

энерго—инфо—тела проявленной сущности в Нави.

И снова путник принёс благодарность своему мастеру—учителю за помощь и прощаясь с ним. Только надолго ли...

Такие Источники есть у каждого мало—мальского фа-

мильного Рода.

Только почти никто не знает об этом.

И вдруг, откуда ни возьмись, возник как чёрт из табакерки, чёрт Гусоин.

Его хозяин. Отыскал по следам, и за ним прискакал на своих копытцах.

Только не хозяин ты ему больше. Сил и энергии теперь у него много чтобы сразиться не с одним, а с целым сонмом чертей.

Пришлось объяснять ему на пальцах, и прощаться с этим миром:

– Спасибо тебе, Гусоин. Низкий поклон, ибо без тебя я никогда не достиг бы понимания простой истины: можно возвести гробницы и дворцы, обойдась без каменщиков или зодчих; можно воскресить мертвых и похоронить живых, швыряя жизнь со смертью игральными костями;

можно откачать полностью всю энергию, но нельзя человеческую сущность сломить и поставить на колени, и заставить петь песни твоим демонам, если я! – я сам, не захотел петь им песни! Это единственное, что путник может сделать сам, и только сам, находясь в вашем рабстве.

Только одно ты не смог вплести в ткань изысканного унижения надо мной – это кровь моего сердца, мои видения, рожденные из тех глубин, куда я сам редко осмеливался заглянуть.

Все ложь: походы и завоевания, падения и взлеты, годы

и расстояние, имена и громкие титулы – всё в мире ложь, кроме этого!

О, мой бывший повелитель – прости и прощай.

Всё, уходи к своим родным чертям!

Да пришла пора, наконец, было уходить и ему в свой мир.

...Путник зажмурился, потом медленно завертелся на месте, вспоминая осознанные ощущения... почувствовать, увидеть, нащупать, в какой стороне лежит дорога... дорога домой... только его дом где, и кто подскажет из ныне живущих и там и здесь.

Кто запомнит и вспомнит подобное...

Да ещё – испуг того мига, когда оторопевший чёрт—демон Гусоин видел такое впервые на своей чёртовой жизни: там, куда указывал Путник в последний раз, астральный эфир заплясал киселём открывающегося прямого перехода в Средний Мир.

«Странник в странной стране»

Крик – как у младенца, родившегося на свет.

Только запоздалый. Глаза открываются. Видят. Старца видят.

Сухого, жилистого, с родинкой над верхней губой, из которой растут жесткие черные волоски.

Старец сидит напротив, почесывает ухо, и глядит прямо.

Очертания раздваивались и двоились в калейдоскопе.

Или это моложавый граф Виландия. Или старец, из «беспредельной», вроде последнего привета с того света.

Или всё-таки тот знакомый, который еще в театре помог, а после дуэли, человека в госпиталь приволок на себе.

А ещё у него наколка на руке.

Странная. Как у странника в той жизни.

Так и не узнать правды.

На него он глядит – старец или граф.

На человека.

– Наконец-то ты пришел в себя, – улыбка играет скупым рассветом на морщинистом лице.

– Я... пришел... – слова выходят чужие, натужные, от них першит в горле, и человек на время умолкает, откашливаясь.

Грудь саднит; это неважно. Важно другое. Понять и узнать.

– Кто я? Ты старик, или тот знакомый граф из театра?

– Кто ты? Или я?

– Одно время тебя звали Джоником, сталкером проводником Зоны.

Но ты задушил это имя собственными руками.

А еще раньше, если мне не изменяет моя старческая зона-ная память, ты называл мне другое имя – Идущий Вперед по Небу, бродяга и дуэлянт.

...Я сидел на троне, и думал свои, совсем не благостные мысли.

Ибо грешен я, и грешен сам весь мир, в котором я проживаю.

Стою где-то на краю.

Только где он край?

Мой собственный край.

Сидел в нужнике больничном, и думал.

Если было чем думать и задуматься, да и место было подходящее для этого. А трон это так, для сарказма.

Ведь тогда фаянсовых унитазов не было, а существовали в употребление вот такие сиденья в форме царского трона.

Я Виландию после этого спрашивал, что со мной было, зачем в монастырь меня отдавал.

Он и рассказал вслед за тем. Ты лежал и болел, метаясь в бреду.

Видно крови потерял через край. Хотели тебе свиную кровь влить местные лекари эскулапы, но я не разрешил.

Потом вдруг отключился и не дышал. На три дня уходил.

И не приходил в себя.

Думали, уже умер, пора заказывать погребение в гробнице при часовни и замуровывать тело без эпитафии.

Потом вроде задышал, закричал страшно—страшно — и очнулся.

Так что никуда я тебя не отдавал. Почти всё время возле койки дежурил.

Значит всё привиделось! — и моя пьянка с Сатром, и монастырь,

и меч Иштен Кардья. Обряд «перехода» для погибшего Андреса и Мардук, кот учёный.

Но я же помню это как случилось, вот как сейчас.

Не стал Виландии рассказывать о том, всё равно не поверит, а если поверил бы, что это изменило бы.

Лишь палые листья носит постылый ветер по тротуару.

И я сидел погруженный в думы думские.

Всё когда кончается.

Всё, всё есть в мире, всё что захочешь.

Только нет в нём того что нужно мне.

Всё суета сует, мирская тщета и пыль бытия.

Вот кто принуждает людей проваливаться в сон, впадать в кому, а потом заставляет проснуться, очнуться через времена — если это не самих божьих рук дело?!

Только люди думать об этом не хотят, занятые личными делами.

А это уже дело рук дьявола, он поглощает всех в свою

грешную рутину

Потому все свойским делом и заняты: и боги, и дьяволы, и паства со своими пастырями.

Бог ты или не Бог – Сатр?! Забери меня отсюда.

Теперь это уже все равно.

Ничего ведь не изменишь? – да, путник и странник?

Странник... страна... странно. Очень странно.

Страннику в странной стране странно.

Там, внутри, в пыли и тишине «беспредельной» бродил – я?

Да, наверное.

И в подземном бункере Зоны – тоже я?

И здесь сижу на троне – я? Только какой из нас троих – настоящий?

Я—здесь полагаю, что я; а что полагают я—там, и я—очень—далеко?

Но ведь реальности разные для каждого из моего «я», и поскольку мертвых не существует...

Зри в корень: в корень проблемы, в корень прожитой жизни, в корень истории событий – тогда может станет чуть понятней.

И всё вновь стояли тяжким строем пласт незавершённых задач, для моего брэнного тела, за каким-то хреном закинутым в мир ренессанса.

Впрочем, отчаиваться, равно как и впадать в уныние, не стоило.

Я еще поброжу по Испании, и поищу все ответы на них. Я должен найти. Должен! Иначе просто и быть не может!

«Найти – что?» – сам себя спрашиваю, или кого-то?

Ответ невидимо свернул за поворот аллеи лечебницы и удрал, громко кладая кошачьими когтями по булыжной плитке, лишь оставив пару черно—белых шерстинок на колючих ветках дендрария.

Пора было Идти. Дальше.

Наведывался туда, в ту самую гробницу, ради интереса, представляя как, смиренно тут покоюсь, а где-то в «беспредельной» неприкаянно ходит моя сущность, вечным рабом низших сущностей демонов.

Да уж, неприятное чувство.

А если б я очнулся уже замурованным в стене?!

Суровая строгость мавзолея подавляла и вызывала невольное благоговение. Казалось, сам Огонь Небесный стеснялся светить здесь в полную силу, дабы не нарушать торжественную гармонию вечного покоя.

Багровый купол венчал полированные стены серого, в тонких золотистых прожилках, мрамора, и стражами застыли вокруг недвижимые свечи кипарисов, чья темная зелень и неправдоподобно четкие, резко очерченные тени внушали людям суеверный трепет.

Пусть усопший почивает в мире – аминь.

Кое уже почили в мире господнем.

Аминь, и ещё трёхкратное аминь.

Как прощальный залп из оружия, над президентской могилой солдата

Удачного убитого и похороненного.

Вот только ноги отказывались подчиняться, идти назад в лазарет.

Все время сворачивали обратно, к мавзолею.

Человеку временами казалось: его место – там, в саркофаге, в подземелье, скрытом под мраморными стенами; он уже давно там, спит без сновидений, а по земле бродит лишь его неприкаянный призрак, навеки опутанный миражами чужой памяти...

Человек напомнил себе, что он жив.

И невесело рассмеялся...

– А ведь действительно хорошо сделали, или сделано будет, – думал странник, глядя на суровую гробницу, последнее пристанище мертвых. – Никакой помпезности, показной пышности – на что они усопшему? Строго и величественно.

Хорошо. Вот только... хотя бы одно что-то могли все-таки написать!

Хоть один... одну строчку! Впрочем... ладно.

Может быть, тот, другой, так завещал, тот будущий Джоник.

Или не завещал. Не знает он, этот странник доподлинно.

...Потом, после посещения гробницы, провалился в сон без снов.

Как я каким-то образом очутился и вновь стою там,

в «беспредельной».

Стройка не стройка, грузовик вахтовка вез от одного объекта на другой.

Странное место. Всюду разруха, как после войны или кататизма.

Или другое.

Операционная реанимации.

Всё белом бело, запорошенная белым кафелем и краской, словно засыпанная в застывшем снегом.

Жизнь утекает сквозь время, просачиваясь каплями жидкости из промывателя.

Тикает нитевидный пульсом на аппарате искусственного дыхания, с мониторами датчиков вокруг стола.

Кто и что я делаю здесь.

Прорывается сквозь наркоз.

Деловито журчит вода в водостоке, где-то не закрытым краном раукомойника.

Ей дело нет до всего, она течет себе и журчит и журчит, песочными часиками, падая вниз.

Остро пахнет кровью, болезнью, и чем-то еще неуловимым в операционных.

Наверно нашатырём, спиртом, формалином, или наркозом, не знаю.

Или всем сразу.

Тихо суетятся врачи, в белых полумасках, скрывающие их лица.

Да они просто смешны, мать вашу...!

Спасают они.... Просто смешно. Кого и от чего.

От смерти?!

Смерть приходит ко всем.

И только бог дает временную отсрочку.

Сатр Смотрящий на Вечность с Мардуком, вместе они наблюдают за мной исподтишка сверху.

Проступая рисунком знакомых очертаний во прошлых видениях, через белый, опять же, потолок с нестерпимым светом слепящих плафонов.

Что вам надо от меня? Ответьте? Черт побери!

.... И снова улица ночная где-то в мегаполисе.

Освещенная огнями тысячью реклам и мчащихся автомашин по навесным пролётам дорожных развязок.

Я стою прямо посреди неё, этого огромного проспекта.

Свет лазерного жара от бегущих экранов на стенах высоток бьет в глаза.

Толпа, нет потоки, идут сквозь меня, безумных, одурманных городом, людских особей.

Я не понимаю их язык.

Пытаюсь протиснуться наперекор, толкаюсь локтями, сшибаю кого-то, извини так надо, но все равно получается вязко, утопая в трясинной топи.

И я чувствую, как трясина поглощает меня...

Путник заснул сидя, и сейчас, упав набок, основательно треснулся головой о камень. От чего и проснулся и выругал-

ся матом.

– Твою ж ты мать – еще раз повторил Идущий, потирая ушибленное место. – И приснится же такое!

Солнце успело закатиться за вершину Нарыш—Тау, и снежная татарская чалма, которую гора носила с неизменным достоинством, была уже не розовой, – серо—лиловой она была и есть, и продолжала быстро темнеть.

Сумерки стремительно падали на горы, или гору, серым саваном, обещая скорую ночь.

Пора было идти, по зову сердца и долга. За всеми ответами.

Путник тяжело вздохнул, встал и шагнул в кромешную тьму подземелья...

Раз—Два—Три шага – и темнота сомкнулась вокруг. Беспределами.

– Кто я... скажите мне, кто я?!

– Выдающий—Себя—За—Пророка, улю-ль-азм рассуля; маленький Джоник, глупый сын своего рода, ветвь от дерева гордых обитателей севера...

– Где я?! Где он, этот, который выдаёт себя за пророка?!

Нет, и не слышно ясного ответа.

Лишь хихикает махонько насмешник—невидимка:

– В преддверии райских садов ада, в странной стране, дружище – а хуже места и не сыскать, хоть век сыщи, да не сыщешь!

Тьма обступает, морочит, приникает тесными объятиями

нелюбимой женою, на зубах хрустит противной мукой, а где-то неподалеку капли воды долбят темя вечности: иже, еси, на, небеси, отче, наш... ты, гроза, гроза всех богов...

Капли? Воды?! Откуда...

Встать на ноги труднее, чем пешком дойти до легендарной горы Кайлас.

Поначалу приходится двигаться на четвереньках, по-собачьи, в кровь обдирая колени, а потом уже, когда боль становится обжигающим кнутом, рывком подымать себя и, выплевывая хриплый стон, тащиться в темноту. Невозможную, небывалую – темноту, где пахнет сыростью, а капли не смолкают, бубнят речитативом древнеарабских сур: Алиф. Лям. Мим...

Сначала всегда была тьма, а потом появился свет.

Так было и есть изначально.

Надо было Идти.

Только не пророк я, рассуль, или новый мессия.

...Родник доверчиво ткнулся в ладонь холодным носом – и отпрянул от рыбьей чешуи, обиженно лепеча невнятицу.

Брызги маленькой радугой, на миг повисли в воздухе, чтобы опасть на травы капельками невинной росы.

Гордая фиалка вскинула головку, украшенную алмазным ожерельем, и насмешливый щебет птиц был ответом этой гордыне.

Солнце золотце, пригоршнями рассыпало вокруг тертую охру, золотя кусты жимолости, оглушающий аромат плыл

волнами, заставляя сердце биться чаще, словно у юноши в предвкушении первого любовного свидания – а каждый вдох и выдох звучал «альфой» и «омегой», славя Всевышнего, повелителя блаженных садов, родителя всех религий.

Я стоял нелепой, закованной в металл статуей, посреди райских пределов, и не знал: тосковать ли мне за тьмой подземелья Испытания «беспредельной»?!

Тьмой, из которой родился свет, как уже случилось некогда с мирозданием; да и со мной, как однажды бывало.

Или обождать чуть...

Память подсказывала свидетелем, заслуживающим доверия: никакой доспех не надевал.

Я не брал его с собой, не просил Виландию помочь мне застегнуть пряжки и затянуть ремни; я не облачался во все эти зеркала, оплечья, наручи, поножи, не обвивал талию поясом с бляхами, не украшал голову прорезным шлемом.

Я не делал этого, и не брал короткий, словно игрушечный клинок.

И тем не менее – творение неведомого оружейника покрывало злосчастного Идущего с головы до ног, и это являлось такой же истиной, какой была гробница, оставшиеся снаружи.

Я готов к бою.

Я – потому что здесь и сейчас не находилось места лжи или притворству, отстранению или возвышению, всем этим; Джоникам, Риккардам, Идущим Впереди, путникам, стран-

никам, именам, прозвищам, отчествам и племенным тотемам.

Я был наг душой и открыт рассудком для всего, что могло произойти со мной в здешнем раю.

Не смешно ли? – оголенный боец в ратном снаряжении!

Да смейтесь великим смехом!! Ведь я же Отступник!

...трава хрустела под двойными подошвами латных сапог.

Брызгала липким соком, ломкими стеблями корчилась за спиной.

Трава была бессмертна: что значит истоптанная сотня— другая зеленых побегов для обширной луговины?

Меньше, чем ничего.

Трава знала о бессмертии, и я знал о бессмертии.

Мы с травой знали о бессмертии всё, или почти всё.

Я сдвинул набок ножны с альфангой, и полной грудью вдохнул пьянящий ветер, отличный от запретного вина лишь тем, что он был дозволен.

Куда идти? Что делать, кого спрашивать? С кем биться и драться?

О, гордый Люцифер, творец Отступника, неужели именно здесь тебя выели до сердцевины, выбросив в земной мир лишь пустую оболочку?!

Деревья сомкнулись вокруг меня: ивы с ветвями—хлыстами, вековые карагачи, пирамиды кипарисов накалывали облака на острия макушек, красные листья аргавана соседствовали с серебристой подкладкой листвы сафеддоров.

И пятнистой шкурой леопарда, земля стелилась к ногам нового владыки.

Я шел, не разбирая дороги, держа ладонь на рукояти клинка.

Легкий скрежет латной перчатки о костяные накладки рукояти, хруст травы под сапогами, звяканье наруча, когда он краем цеплял поясные бляхи — странная, противоестественная гармония царила в этом хаосе звуков!

Трели птицы бормотушки — и скрежет, воркотня голубей — и хруст, шелест крон под ветром — и звяканье... суфийский напев бытия!

Уж лучше бы меня ожидала тьма крошечная со скрежетом зубовным, мрак тысячи опасностей, чем этот волшебный Эдем, где волей—неволей приходится чувствовать себя захватчиком, не прошеным гостем, а он, как известно, хуже иблиса!

Я наклонился и мимоходом сорвал нарцисс.

Сунул было за ухо и, наткнувшись на шлем, устыдился.

«Только раз в году нарциссы украшают грудь земли — а твоих очей нарциссы расцветают круглый год...»

Воспоминание отрезвило, я бросил цветок в душистую тень олеандра и двинулся дальше.

Без цели; без смысла.

В метелках дикого овса, осыпая серую пыльцу, щеголями площади Мюристана бродили голуби. Ворковали, топорищили перья, терлись клювами в любовной игре. Ближе всех ко

мне прохаживался крупный сизарь с алой полоской вокруг шеи, более всего похожей на коралловое ожерелье.

– Мир!.. мрр—амр—мр... – кошачье пение издавал он, и все топтался на одном месте, отпрыгивая, возвращаясь, кося на меня влажной бусиной глаза.

Я пригляделся.

У лап голубя извивалась пестрая гадюка, один укус которой отправляет человека к праотцам верней, нежели добрый удар копыя.

Змея вязала из себя замысловатые узлы, но жалить не спешила; и уползать не торопилась.

– Ми—и—и—ир... мр—мр—я...

Вот оно, или она – Сущность эгрегора христианства.

Меч – под маской мира.

Волшебная Птица Гамаюн с лентой топталась по упругому телу гадюки, кривые когти не по—голубиному хищно прихватывали змею, вздергивали над землей, чтобы тут же отпустить, дать наизвиваться вдоволь – и снова.

Тихое шипение вторило нежному мурлыканью, кораллы на шее птицы Хумая отливали рассветной зарей, а остальной стае дела не было до забав вожака.

– Кыш! – довольно глупо сказал я. – Кыш, зар—раза!

Голубь, только голубь ли, являя собой образец послушания, оставил змею в покое (та мигом юркнула прочь, исчезнув в зарослях), легко вспорхнул крылышками и уселся ко мне на плечо, обратившись в здоровую птицу похожую на ор-

ла.

– Кыш... – беспомощно повторил.

Гамаюн незатейливо потерялся головкой о назатыльник шлема.

Щелкнул мощным клювом, норовя ухватить кольчатый край.

В ответ я дёрнул плечом, желая прогнать назойливую орлиную птицу, но земля вдруг ринулась прочь, вниз, в пропасть, а небо ударило в лицо синим полотнищем. Расплескивая пену облаков, я мчался в вышине вольным соколом, надзирая, как внизу стелятся реки и озера, холмы и долины, города с многоярусными крышами домов и зелёные поля, острые шпили храмов с крестами, судоходные каналы, обсаженные деревьями...

Я знал откуда-то: только захоти – и всё это станет моим.

Я стану всем, стану холмами и долинами, домами и людьми в них, стану сродни Еноху, который долгожитель, Сын Неба и пророк—рассуль Идрис:

и даже больше в сравнении с владыками иных держав.

Мне предлагали величие без границ и пределов.

Искренне.

Я зажмурился. Ну почему, и причём здесь я?!

Зачем я вам всем понадобился, простой бродяга, избравший долю искателя приключений?

Почему вы не даете мне умереть, отказывая в последнем утешении отчаявшихся?!

В те горькие минуты, когда душа моя, брала своего обладателя за глотку и гнала прочь от благополучия, заставляя бороться за справедливость мечами оскорбленных!

Да, иногда мне хотелось надеть венец «как все» и перестать быть скитальцем, ибо я втайне знал: такого не может произойти никогда...

И не потому, что венец мне заказан.

– Ми—ир—рра... – разочарованно проворковал ветер.

Я вновь стоял на земле, а Гамаюн—Хумай, Голубь—Мира религии Христа, прыгнув с моего плеча, вразвалочку заковылял прочь.

Орлиная стая ждала жожака.

Хумай – птица, предвещающая счастье в иранской и арабской мифологии, а также в мифологии народов Средней Азии – волшебная птица—феникс, или вещая птица. Одновременно термин означал вид птиц, определяемых, как птиц—падальщиков – сипы или грифы.

Считалось, что она делает царём человека, на которого бросает свою тень от крыльев. Имя «Хомаюн» в персидском языке означает: счастливый, августейший. Существовало поверье, что убивший птицу Хумай, умрёт в течение сорока дней.

Из-за цветущей мушмулы выскочил заяц.

Принюхался, вытягивая мордочку, и дробно рванул в ложину, где мне почудилась серая тень.

За ним вылетела добрая дюжина приятелей – длинно-

уших, с куцыми хвостами—пуговками; и зайцы скатились вниз по склонам, топча клевер—пятилистник, будто совершенно не нуждались в удаче.

Солнце полоснуло их семихвостой плетью, прежде чем зверьки успели скрыться от моего взгляда, и заячьи шкурки запылали в ответ шафраном, а на ушах блеснули серебром длинные кисточки.

Минутой позже в лощине раздался тоскливый волчий вой.

Он разрастался, ширился, тёк унынием, захлестывая окружающий меня Эдем. Истошному вою вторил барабанный перестук.

Невидимые для меня лапки колотили в невидимые стволы, полые изнутри. Барабаны деревьев гремели все громче, и вой звучал все громче, превращая день в ночь, а солнце — в луну, пока не оборвался на самой высокой ноте.

Я шагнул к спуску в ложину, плохо понимая, зачем это делаю — и споткнулся...

Степь раскинулась вокруг меня: степи, где пасутся стада белых баранов раскосых людей, и степи пустыни в оазисе, где смуглые народы в тюрбанах разводят отары черных баранов.

До самой Шины, на чьи великие стены никогда не поднимался враг.

Ноги вихрем несли меня по ковыльным просторам, заставляя петлять меж сопками, шуршать в озерном камыше, бешеным соглядатаем наворачивать круги вдоль крепостных

стен... люди, кони, юрты и палатки, стада и табуны, башни и рвы. Все это предлагалось мне.

Бесплатно. И просто так.

— Нет! — выкрикнул, чувствуя, что теряю сознание. — Не—е—ет!

Я не желаю!

Тишина.

На краю лощины сидел малахитовый Заяц религии ислама, внимательно глядя на меня зелеными глазами изумрудов, под цвета знамён последнего пророка Мохаммеда с мечом Зульфикара при завоевание Мекки.

— Зря, — недоумённо читалось в глубине заячьего, или волчьего взгляда.

— Зря... я ведь от всей души. Е рабб!...

Наконец он моргнул, и, потешно выпрыгивая на каждом шагу, двинулся вниз. Где били в барабаны маленькие лапки, а эхо еще ловило отголоски бывшего воинственного воя.

Старый Тур буддизма даже не подошел ко мне.

Виноградная Лоза предложила мне масличные рощи суфизма,

Двугорбый Нар альб—Ганеш — индийский индуизм.

Купцы—евреи со всеми их торговыми караванами были брошены мне под ноги Вольным Плющом — иудейством.

Ворон поднебесного синтоизма каркал над моей головой, удивляясь человеческому упрямству, а Черепаха—Восьми—Пятнах все ползла за мной, с воистину черепа-

шьим терпением раз за разом предлагая мне караизм, веру на книге Танаха, а сама она состоит из 24 книг.

Кара – переводиться как «читать», то есть читать книги, двигаясь по тексту и канонам точно черепаха.

Пока я чуть не наступил на неё сапогом, и черепаха отстала.

Шёл, топча благоуханный ковер, я чувствовал себя святым пророком Исой, которого враг Аллаха возвел на гору Блаженств, где он читал свои проповеди, и указал пророку на все царства земные; владей! бери! пользуйся!

Только я, в отличие от святого рассуля, мог сколько угодно кричать гласом вопиющего в пустыне:

– Изыдите от меня, искушители!

Разве что горло зазря сорвал бы.

Шёл, не разбирая дороги, не зная, что ещё найти в небесной стране эгрегоров.

Он как-то выискался последним.

Баран с золотой шкурой, наверно тот самый, по кличке Крий, лежал у поваленного кедра, а рядом с ним лежал кудлатый лев, опустив голову на передние лапы, и зорким сторожем поглядывал по сторонам.

По легенде этот баран со златым руном, сам снял себя шкуру, отдавая её в жертву богам, и вознесся на небо, обратившись в созвездие Овна.

При моем появлении лев глухо зарычал, и сделал было попытку встать, но бляенье златого барана остановило хищ-

ника.

Рык еще доносился из груди льва, катился предупреждающим рокотом, пока баран не ухватил зверя зубами за складку кожи на шее и не встряхнул как следует.

Лев уgomонился.

Зажмурился, лег на бок и выгнулся спящим котенком.

Я подошел к Овну. Остановился в растерянности, наверно надо снять с него золотое руно, потом освободил альфангу от ножен.

Клинок вопросительно блеснул: я здесь! чего ты хочешь?

Лев встал и нехотя затрусил прочь.

А проклятый баран глянул на меня снизу вверх и прикусил травинку, что торчала у самой его морды.

Курдюк Овна дряблой грудой трепетал от каждого движения челюстей, драгоценная шерсть блестела сокровищами пещеры Сим—Сим.

Он не сопротивлялся, он лежал покорной тушей, и я почувствовал себя подлецом.

Мне опять предлагали жалкую милостыню.

Бараньей шашлык – вместо Золотого Руна.

Вместо боя, борьбы и схватки, вместо возможности взять самому, мне подкладывали нечистое животное свинью! – то есть тупого барана, на холку которого я в любую минуту мог опустить карающий клинок.

Но я не хотел так.

А вокруг молчал Эдем или Ганн Эден, рай без людей, или

не так: рай, каким он был до создания Адама.

Впервые я понял, почему имя падшему ангелу, отказавшемуся исполнить прихоть господина: Иблис, то есть гордость.

Отчаяние и гордость охватывало меня всё теснее, и не было этому яду противоядия.

– Нет, – сказал Раю—Джанне, барану и всем на свете религиям, сущности которых бродили неподалеку, с интересом поглядывая в нашу сторону.

– Нет. Если вы предлагаете мне религию с раем, чьей благодати я уже успел наесться всласть, так что она пошла мне горлом – тогда я предпочитаю свой ад. При одном условии: свой ад возьму сам.

И поверьте: я знаю верный способ.

Я укрепил альфангу между двух камней; острием вверх.

Сцепил пальцы на затылке, чтобы не передумать в последний миг.

И упал на острие.

«... Не мир я принёс вам, но меч...»

– Но Меч есть ключ от неба и ада, – Отступник еле успел повторить слова последнего пророка Мохаммеда—рассуля, на канун своей безвестности.

...Странник вздохнул и поднял голову.

Умытое грозой небо отливало у горизонта чем-то лиловым, и падающие звезды расчерчивали его вдоль и поперек, превращая в драгоценную кашмирскую парчу.

Сегодня была ночь правоверных джиннов.

Ныне духи, созданные из чистого огня, старались украдкой заглянуть в горние сферы, а ангелы швырялись в дерзких соглядатаев метеорами, отпугивая от запретного зрелища.

Видимо, какой-то из главарей джиннов в дерзости своей сунулся дальше обычного – ослепительная молния заставила светильники небес поблекнуть, а вместо грома донеслось рычание Ангела Мести Гавриила и перезвон раскаленных цепей, грудой сваленных у подножия его престола.

Свод над головой затопило густым овечьим молоком, потом осыпало пеплом и ржавчиной, но шайтаны отпрянули, жуткий рык стих, и лишь холодный порыв ветра налетел с запада.

Будто вздох бездонной пропасти.

...А потом я просто проснулся.

Легко соскочив с лежанки, привычно начал разминаться.

Тело не болело совершенно, да и душа тоже.

Теперь я был снова готов ко всем передрягам предначертанной судьбы, написанной, или ненаписанной пером—каламом, в книге с белыми страницами.

Да и к чему больше болеть, если все религии мира придуманы для управления толпами людских масс.

Задайте себе вопрос – кому это выгодно.

И вы сами поймёте. Каждый обманывается сам. И только сам.

Христос умер не за всех людей, якобы взяв все людские

грехи на себе в виде некой ноши, по представлению и проповедям новых пастырей от церкви. А он просто показал нам пример, как надо жить, терпеть, и тупо умирать, блаженно веруя в царство Христово.

«... В белом венчике из роз,
Впереди Иисус Христос» А. Блок.

«Да воздастся каждому по делам его»

Джоник легко соскочил с лежанки, что ж подумал он надо приниматься за обычные дела, а не шлаться где-то в разных измерениях.

И мысли его, словно отливались из легированной стали, отдавая крепостью и натуральностью мореного дуба.

Пора было стало ставить точки над всеми «и», как-то объясняться с Виландией.

Разумеется, граф догадывался кто я, вишь тогда сам обмолвился про свою память старческую зонную, да про меня правду сказал.

Просто теперь надо выработать план совместных действий, хоть я и не командный игрок.

Эх, не привык я к командной работе.

Всё больше поодиночке притерпелся к суке—жизни такой: ходи, да осматривайся по сторонам и через левое плечо назад поглядывай.

В моей жизни не осталось никого, всех распугал от того что я делал.

То что я не сидел в тюрьме, это не значит что я не расплачиваюсь за свои поступки.

Да что об этом говорить теперь, если вся жизнь была борь-

бой за выживание в этом не принимающем, отторгающем меня всем миром – отторгнутом, словно родная мать, отнимая нежеланного младенца от груди.

Кишки подводило от голода, ну так на больничном питании жирком не обрастешь ни раньше, ни сейчас.

Потому предложил первой мыслью графу, а первая мысль, как известно всегда правильная, выписаться к чертовой бабушке яге, собрать вещички и направится в ближайшую таверну.

Как всегда имелись вопросы внутри меня, теперь уже новые: что такое Творец и Создатель – это одно и тоже значение, или просто слова разные.

Такие же разные, как и Бог и Господь.

Или это проявление дуальности мира, как черное и белое, добро и зло.

То есть Бог это Свет, Господь – тьма.

А это смотря, с какой точки смотреть.

Если с точки целостности, то одно и тоже, но в разных ипостасях добра и зла. Если с точки слоя, то разные: кого призываете – тот и придет, отзовется. Рассматривать их как одно целое без реального понимания всего процесса и без объединения аспектов из половинок одной пирамиды не очень верно. Потому если молитесь Господу, то именно ему вы и молитесь, становясь навеки рабом Господина.

Ну а если обращаться к Богу, совсем другое получается.

Только нет Бога в церквях, ибо она дом Господа, потому

Он просто изначально в душе каждого живущего.

Господь заведует религией, Бог предваряется верой, неважно во что.

Такая вот разница.

А суть Духа – нет, не «святого духа», – в одном: ты идешь по своему пути, остальное игнорируешь.

Ибо это значит, ты тогда не катишься по навязанной колее, а идешь против неё, как против течения жизни.

Ты становишься вместо голя—творца жизни, поддерживающим привычное для всех существование, из—гоем Отступником.

Чтобы вылезти из болота – тебе никто не нужен, кроме тебя самого. Вспоминаем Мюнхаузена, как он вытаскивал себя за волосы.

То есть волей.

Если воля заряжена биться с эгрегорами маятников—противоречий, можно и выползти из болота.

Есть воля – Дух будет не метаться, смущаться, биться в темнице, а будет творить на—воле.

Для Духа нет ловушек, потому что единственное, что препятствует ему в совершенстве – это только он сам.

Иного нет. Ловушки не могут препятствовать. Они лишь причины.

Ты сам – хозяин над причинами.

Но чтобы это стало так, одних «слов» мало – это надо «ВСПОМНИТЬ».

Яблока с древа познания недостаточно.

Еще нужно яблоко с древа вечной жизни, которого Адаму попробовать не дали. Ему вложили рассудок, и потом искавив его и перевернув, но вот разума не дали. Разумом же ты можешь с помощью воображения выходить за пределы матрицы и быть там – Духом.

И что первично и важнее – дух или тело; тонкая энергетическая душа или грубый материализм. Если желудок подмывается к голове от голода, и похоронный марш он играет. То значит материя сильнее?

Мы находимся в более плотном материальном мире, чем «тонкий уровень». И все свои движения и действия осуществляем сознательно, своим сознанием. Да вот либо счастье, или беда, и тогда приходит на смену коллективное—бессознательное.

Условия и возможности нам создает нам нечто, находящееся внутри нас.

Или вот ещё один парадокс: человеческое тело сильнее стального железа, заключённое в цельнометаллическую оболочку плоти, и в тоже время уязвимое донельзя, как беззащитный котенок.

Перед кусочком пулевого свинца, например.

Ударом в болевую точку.

Надеть пластиковый пакет на голову, и через минуту задохнутся от нехватки воздуха.

Конечно, странно. Тогда кто же даёт нам силы выстоять

в жестоком мире. Если не бог, или кто там есть на небесах.

Вскоре все рутинные вопросы были утрясены в лазарете, вещи собраны в рюкзачок—мешок; добрые клинки, служившие мне верой и правдой, вдеты в ножны перевязи, а перевязь на плечо закинута.

И всё что ли? На дорожку посидели чуть.

Осталось только подпоясаться, попрыгать, чтобы ничего не звенело, помахать ручкой на прощание обожаемой «больничке», и двигать дальше, толкая мир от себя. Ногами.

Таверна, таверна – пел от радости желудок.

Свобода, свобода – чирикало от радости сердце.

Мир, живой мир – напевала от радости душа.

Так и мы и шли по утренней улочке, под разноголосицу всевозможного внутреннего пения, вместе с Виландией.

В той таверне они уже сидели год назад, когда-то в другой реальности, да и в другой жизни тоже, но память о том больно кольнула в сердце.

Хозяин исламского заведения, толстяк Али, тоже был прежний – вот только постарел он, что ли?

Впрочем, возраст хозяина волновал Идущего меньше всего; а графа не волновал вовсе.

Путник открыл было рот: спросить гранатового морса! – но вовремя опомнился.

И, мысленно вытерев лбом тряпкой покаяния престол Всевышнего, заказал вина. Красной крови виноградных лоз, седой от пузырьков родниковой воды, каковую следует до-

бавлять в необходимом количестве, для радости заказчика, а не для выгоды продавца.

К вину требовалось, и заказали в конце концов, подать плоский хлеб с корочкой, покрытой сладкими ожогами.

Кебабы рубленые, томленные, а также жареные на решетке, вкупе с уксусным супом из барбариса; свежих фруктов не надо, вместо них несите быстрее сушеный инжир, фисташки, тминные прянички... да и вина того самого, побольше и похолодней.

Кальяна только не хватало для полного счастья.

В полном итоге путник с уважением смотрел на сплошь заставленный стол; а Виландия с уважением смотрел на странника.

– Совсем ты выздоровел! – скупая усмешка растянула губы графа; и он, ухватив дрожащей рукой кувшин, основательно приложился к нему.

Когда Виландия ставил опустевший кувшин обратно, дрожь в его руках унялась.

– Да и ты ж вроде трезвенник?! – запоздало изумился Идущий, но Виландия только рукой махнул: с тобой, мол, и праведник детей резать начнет!

– Молодчина! – на всю чайхану возгласил путник законный тост.

– Этот граф поклоняется веселью, и прекрасно прославлять его стихами – ибо видим патриарха мы с похмелья меж кувшинами с вином и бурдюками!

После чего, тоже изрядно приложился к кувшину, пододвинул ближайшую миску и впился остатками зубов в сочное мясо чуть прожаренного бараньего кебаба.

И пусть катится к чёрту, вегетарианец Поль Брегг со своими советами о вреде мясной еды!

... – А ты вот скажи, граф: можно ли переместиться в другое, если не время, то место?

– Да запросто. Только оружие здесь оставь, а то вижу я тебя!

И мы переместились.

А что такого? Обычное дело, наверно даже сказать тривиальное.

Если Виландия был Знающим, как это делается.

Но вопрос мировоззренческий, где нет точного ответа.

Одни могут Знать, но не стремятся к пониманию, но стремящиеся к пониманию не всегда могут получить Знание, а получают лишь информацию или даже Информацию, с большой буквы.

Не всегда из набора фактов можно выстроить целую картину, и понять взаимосвязь её частей.

И тут вопрос терминологии и мировоззрения опять же включается, а я зарёкся больше по поводу своего мировоззрения распространяться.

Любое вмешательство в прошлое порождает новую временную линию, и хорошо, если сознание сразу принимает её.

А ведь может и не принять.

Бывает, (обычно бывает по-разному) что пытаешься удерживать своим вниманием и старую линию, и новую затрудняя приход изменений.

Это не только не экологично для всех людей, но и чрезвычайно энергозатратно для инфо—тела.

Что касается травм при этом – любое вмешательство наносит травму, вся надежда на гибкость сознания решившегося на изменения реальности.

И что останется после тебя.

После твоей смерти.

И в поминках не будет смысла, ибо никто не придет на них по зову сердца, но ради выпивки дармовой залить жаждущую глотку – да, возможно придут. Всё, и больше ничего.

И мы оказались где-то на задворках Толедо.

Та же таверна, только другая.

Вроде того, точнее Виландия постарался проникнуть, по мере дельты качания реальности, в щель некоего зазора, в котором можно изменить текущее время и пространство, опять же, при текущем, именно текущем, состоянии инфо—энерго—тела.

Щель—щёлочку, ведь матрица замкнута.

Мы, по сути, закрыты в ней.

Каждый слой имеет свой исходный код.

Добравшись до него и считав, переподключаешься к другому слою, видишь иллюзорность предыдущего, и запускается программа осознания.

Вот, так и с рептилоидами.

На том, предыдущем слое они были реальными, здесь – нет.

Если попробовать сравнить два слоя в себе, увидишь несоответствия и начнёшь задавать вопросы, которые в итоге приведут тебя к ещё одному исходному коду, хотя путей масса – каждый выбирает свой.

Таким образом, всё происходящее порождение матрицы, совместно с человеком, но тут важно осознавать, насколько глубока эта «нора» Алисы в стране чудес.

Тот, кто находится уровнем ниже, не воспримет то, что ты ему говоришь с более высокого уровня, потому что он настроен на другой слой.

И это то самое, когда у операторов нет к чему-то доступа.

Они просто не могут подключиться к другому слою, у них нет нужных кодов. Что здесь настоящего?

Все мы ищем что-то настоящее.

Настоящее – чувства.

Чувства – это не коды, мы приносим их сюда со своей душой.

Они нас ведут. Но матрица тоже научилась создавать чувства, она развивается вместе с нами.

Это «Оно» – осознанная программа, которая развивается в разы быстрее нас. Матрица и есть серый туман, вирус страха, та матрица, которая отключилась от своего Создателя.

Вернее, когда-то он её сам отключил и просто наблюдал

за ней, подключался время от времени, что-то корректировал, но когда он попытался сделать это в очередной раз – у него не вышло.

«Разъём» куда-то исчез, матрица полностью замкнулась, а раньше её коды были открыты почти всем...

... – Лови! – гибкий, как ивовая плеть, путник швырнул лютню её владельцу – сейчас он как никогда он был в ударе, – он был весел и пьян. – Что ж ты не купил балладу, пока шла по дешевке? Небось, поскряжничал, жмот! – а теперь развонялся: «Слова! Не те слова!»

Хочешь всегда одинаковых слов – женись! Небось, женоушка тебя одинаково звать будет, рогач ты эдакий!

– Я... – задохнулся пьянчуга лютнист, прижимая инструмент к дряблой груди. – Я... чтобы всякое отребье, всякий висельник...

Но путник уже не смотрел в его сторону.

Солдаты, сидевшие в таверне, разразились громовым хохотом, требуя, чтобы оба бездельника кулаками выяснили отношения – если, конечно, они считают себя мужчинами, а не ошипанными петухами!

А служанка, являя пример женской непоследовательности, заигрывала с путником, явно предпочитая истомные ласки муз, нежели прелестям походной любви с солдатами.

А жонглер с подругой втихомолку подсчитывали дневную выручку – хватит ли заказать жбан красного винца на весь балаган?

Да ещё скучал в углу молодежавый вельможа, вроде графа, разодетый с истинной пышностью, которой уж никак не место было в «Золотой Розе».

Сержант, надзирая над пьяными солдатами, покосился в сторону графа.

Мысленно посетовал на нерасторопность испанских кабадьеро, что до сих пор не успели прибрать к ногтю Гренадский эмират, а заодно и на собственного всехристианнейшего короля Филиппа 4, позволяющего всему отребью нагло расхаживать меж честных испанцев; и усы сержанта воинственно встопорщились: «Ишь, вельможная кость, нехристь! – целый дублон бросил страннику через всю таверну.

А тот рад стараться: поймал, и к сердцу прижал, и расцеловал, голытьба... что взять с них.

Нам за один дублончик больше горбатиться надобно!

Ну да ладно, будет и на нашей улице праздник; как не бывать такому, конечно бывать...»

Когда странник собрал пожитки и, вскинув котомку на плечо, пошел прочь из «Золотой Розы», сержант исподтишка показал солдатам кулак.

Большой такой, волосатый кулак, со вздутыми костяшками.

Алебарды были расхватаны в считанные секунды, а служанке осталось только провожать мужчин взглядом: путник, солдаты... не жонглера с актриской ведь соблазнять?

Может, графа?

Но разодетый франт рассчитался сполна, даже с лихвой, и вскоре на долю служанки остались лишь бродячие актеры, да ещё глухой крестьянин, равнодушно жующий вареную репу.

...Прогремел где-то гром и всё залил проливной дождь, лишь небо оставляя чистым и синим как прозрачный кристалл ультрамаринового кварца.

Уличная распутица влажно чавкала под ногами.

Заслышав топот за спиной, путник проворно перепрыгнул канаву – и собрался было бежать. Увы, ноги подвели хозяина.

Подломились в коленях, не удержали легкого тела; первый сапог, развязавшись, свалился наземь, жабой ускакал в грязное нутро канавы, и сперва погрузился в жижу до половины, а там и вовсе оплыл на дно.

– Стой! – рявкнул сержант. – Стой, говорю тебе!

– Сеньоры, господа—сеньоры, – заюлил странник, шаря по сторонам взглядом затравленной крысы; котомку он выставил перед собой, будто защищаясь. – Если вы хотите отобрать у бедняги его нечаянную удачу, последнюю монетку, брошенную судьбой в лице славного графа – она ваша! Если же вы намерены причинить мне зло... сеньоры солдаты, монсеньор сержант, на ваших лицах я читаю добродушие и любовь к ближнему! Позвольте мне идти своим путем!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.